

18+

ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА

ТОЛСТЯНКА

ИЛИ СЕМЕЙНЫЙ НЕКРОПОЛЬ

Валентина Полякова

**Толстянка, или
Семейный некрополь**

«Издательские решения»

Полякова В. В.

Толстянка, или Семейный некрополь / В. В. Полякова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690651-8

Повесть «Толстянка, или Семейный некрополь» рассказывает о Вере, разведённой женщине с двумя детьми, которая привыкла жить так, как живут многие. Внезапная смерть отца переворачивает её мир, заставляя переосмыслить отношения с близкими и саму жизнь. В течение нескольких месяцев она проживает целую жизнь, сталкиваясь с собственными страхами, болезненными воспоминаниями о прошлом и сложными решениями в настоящем.

ISBN 978-5-00-690651-8

© Полякова В. В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Папа умер	8
Инга. Квартира. Прыжок в никуда	12
Морг. Каталоги. Место на кладбище	19
Патологоанатом. Старушки. Неизбежность	22
Беговая дорожка. Злюсь. Привет из прошлого	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Толстянка, или Семейный некрополь

Валентина Валентиновна Полякова

Иллюстратор Валентина Валентиновна Полякова

© Валентина Валентиновна Полякова, 2026

© Валентина Валентиновна Полякова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-0651-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***Некрополь** – переводится, как «город мертвых». Комплекс захоронений от давно минувших времён до настоящего дня.*

***Толстянка** – род суккулентных семейства Толстянковые. Некоторые виды толстянок используются как комнатные растения.*

От автора

Как хорошо, что мы встретились! Моя книга – это наше пространство встречи: меня, как автора, и вас, мои читатели. Здравствуйте!

Если бы кто-то сказал мне несколько лет назад, что я решусь написать художественную повесть, я бы ответила: возможно, когда-нибудь, в следующей жизни. Но вот повесть готова, и она случилась уже сейчас. Непривычное, скажу я вам, ощущение – представлять свое произведение другим. Не прятать в столе или под подушкой, а дать ему жизнь, полную и похвалы, и критики. Такое предвкушение, щекочущее внутри. Чтобы не перепечатываться от неопределенности и новизны, скажу сразу, дорогие друзья, что буду рада вашей обратной связи.

Это не первая моя книга, но первая повесть, написанная в художественной форме. Подобная история могла случиться в каждой семье, а может, случается прямо сейчас. Это и моя история, и в этом её неумолимость. Все совпадения образов героев и событий случайны и могут быть применимы к каждому из нас. Это переплетение судеб и людей, решений и последствий, любви и равнодушия, жизни и смерти, чужих и близких, родителей и детей.

Повесть «Толстянка, или семейный некрополь» рассказывает о Вере, разведённой женщине с двумя детьми, которая привыкла жить так, как живут многие. Что может быть банальнее? Вот и Вера до сих пор не задумывалась. Хорошая дочь, жена, мать – жила по инерции, решала жизненные вопросы. Но внезапная смерть отца переворачивает её мир, заставляя переосмыслить отношения с близкими и саму жизнь. События повести развиваются стремительно.

В этот непростой период Вера вынуждена соприкасаться с вопросами, над которыми раньше не задумывалась. Кто я? Кто я без своих корней? Как прошлое влияет на настоящее и будущее? Могу ли я разрешить себе не соглашаться с тем, что мне не подходит? Зачем все так, и как выстоять, лишившись опоры? А была ли она, опора, вообще? В течение нескольких месяцев проживается целая жизнь, заставляющая столкнуться с собственными страхами, болезненными воспоминаниями о прошлом и сложными решениями сейчас. Это ключевой момент внутренней трансформации, влияющий на происходящее вокруг. Похороны и связанные с ними события становятся зеркалом, в котором отражаются отношения с матерью, сестрой, детьми и памятью об отце. Что может быть важнее, чем найти в себе силы для преодоления трудностей? Сможет ли Вера проснуться от иллюзий или, увидев реальность, постарается скрыться поглубже в себя? А может, именно Вера придумала себе свои трудности и не способна понять других?

Вопросов, которые могут возникнуть в процессе прочтения повести, мои уважаемые читатели, много – у каждого свои. Даже мне, как автору, эта история осталась многогранной, той, которая, спустя много лет, снова зазвучит по-новому. А может, не зазвучит, и я утрачу к ней интерес. Я надеюсь, что ответы отзовутся в любом случае. Порою вера – это именно то, чего нам не хватает, чтобы увидеть собственную жизнь. Трогательная и честная история о взрослении, поиске своего пути и о том, как важно слышать себя и не бояться перемен.

Я искренне благодарю всех, кто помогал мне создать эту книгу. Отдельная признательность моей семье и друзьям, которые поддерживали меня на каждом этапе работы. Я благодарю свою жизнь и людей, которые делились опытом и переживаниями, ставшими для меня источниками вдохновения. Возможно, следующая фраза у кого-то вызовет недоумение и удивит потомков, но время требует, поэтому я пишу:

Каждая строчка данного произведения, включая авторское вступление, осмыслена и написана мной, живым человеком, для живых людей.

Желаю вам приятного чтения и новых открытий вместе с героями этой повести.

*С уважением,
Валентина Полякова
2026 год*

Часть первая

Папа умер

– Там твой папа умер, – сказала трубка обычным маминым голосом, – ты похорони его, а то Инга отказывается. Я у сестры гощу, мне некогда этим заниматься. Я через недельку приеду.

Мамина сестра жила в другом городе, перелет из которого занимал не больше трех часов.

– Умер? Как умер?

– Я не знаю, – в голосе послышалось раздражение, – мне, как жене, позвонили из больницы, сказали, что его некому хоронить. Я не вдавалась в подробности. Ты сама ей позвони и все узнай.

Инга – женщина, с которой папа жил последние пятнадцать лет. Вроде-как там была любовь.

– Хорошо, дай мне ее телефон.

– Записывай! – Мама начала диктовать, не особо заботясь, есть ли у меня возможность записать. Я, перебросив звонок на громкую связь, быстро открыла контакты.

– Ты не приедешь на похороны?

– Почему не приеду? Приеду.

– Мама, похороны обычно на третий день проводят, ты не успеешь через неделю.

– Ну ты его быстро не хорони, подожди меня. Я же теперь вдова.

– Так не получится, мама, либо приезжай на третий день на похороны, либо хороним без тебя.

– Ой! Ладно! Не грузи меня, займись там сама! Я пошла, мне некогда!

– Мама!

Но мама в своей привычной манере внезапно завершать разговор уже бросила трубку.

Мама. Всю жизнь ты играешь в свои важные игры. Сперва ты играла в успешную студентку, потом в счастливую жену, затем в заботливую мать, затем в бесконечную жизненную драму, и вот теперь – вдова! И не важно, что уже двадцать лет, как вы живете с папой порознь, – предоставьте ей декорации, в которых она сможет быть в центре внимания в роли безутешной вдовы у гроба скоропостижно скончавшегося гениального мужа.

Они разошлись, когда мне было шестнадцать. Разошлись в разные комнаты типовой четырехкомнатной квартиры, которая папе досталась от его родителей. Не знаю точно, как именно они в те времена передали квартиру сыну, но считалось, что это своего рода подарок на защиту диссертации и появление второй внучки – меня. Места хватало всем: комната родителей, комната старшей сестры, папин кабинет и зал с открытым входом, в котором обычно принимали гостей, но в целом он считался комнатой для младшенькой. Поскольку комната старшей сестры была не большая, да и сестра ревностно охраняла свое пространство, запираясь внутри от постороннего вмешательства, мама переехала в зал. То есть в комнату ко мне – иллюзия личного пространства закончилась окончательно. Теперь все, что не было маминым, либо мешало и выбрасывалось, либо становилось ее. Мама легко рылась в вещах и тетрадках дочери, брала одежду и тапочки. На мой протест возражала: а что такого, мы же семья, а мне нравятся эти вещи. И хотя в комнате, кроме кровати, на которой я спала с самого детства, был большой раскладной диван, мама, придя с работы, валилась на кровать, сообщая, что она устала, а диван ей раскладывать лень. Так постепенно диван стал моим местом для сна, а в голове поселилась потребность съехать из родительского дома и побыстрее.

Папа, сколько я его помню, всегда был чем-то недостижимым, фигурой с пьедестала, божеством, созданным мамой внутри семьи. Папа работает, папу нельзя беспокоить, не шуми, ты мешаешь папе – вот то, что вставало непреодолимой преградой в нашем общении. Когда мне изредка удавалось заглянуть в кабинет, я видела замершую спину и мерцающий из-за головы экран сперва телевизора, потом компьютера. Намного позже, повзрослев, я узнала, что папа так и не развернулся ко мне под гипнозом мамино влияния – она упрямая и неуправляемая, держись от нее подальше. Так она говорила про меня, и папа ей верил. Моя сестра еще помнила другого папу, шумного, веселого, смеющегося в голос и подбрасывающего ее к потолку. Ей было семь, а мне чуть меньше двух, когда семейная пляжная прогулка окончилась трагедией, в которой папа, красуясь перед мамой и своей сестрой, прыгнул на рыбку с невысокого мостка деревенской запруды и воткнулся в дно.

Меня тогда экстренно отправили к бабушке, где я и прожила целых три года, пока папа, вопреки сломанному шейному позвонку и прогнозам врачей, начинал шевелиться и даже встал на ноги. Тяжело, малоподвижно, но встал. Чувствительность, конечно же, сохранилась в теле выборочно, иногда заставить двигаться ноги папа мог только вручную. Ясность ума при этом никак не пострадала, и папа молча и очень болезненно переживал свою обездвиженность. Психологов в то время не было, и понять, что ему может понадобиться разобраться в своих чувствах и переживаниях, никто не мог. Папа замкнулся, ограничивая жизнь своими научными изысканиями. Мне оставалось лишь созерцать его худую перекошенную спину.

Все это я осознала гораздо позже, а сперва долго не могла понять, почему родители за мной не возвращаются, потом привыкла жить без них. А когда мама все же забрала домой, яростно со всей активностью пятилетнего ребенка протестовала против того, что вместо папы мне подсовывают эту неподвижную куклу с застывшими глазами. Мама не стала вдаваться в причины моего протеста, объяснять произошедшее, пытаться как-то успокоить или утешить, а, записав меня в когорту избалованных бабушками детей, стала жестко наказывать за капризы и оберегать папу от моего вторжения. И это стало историей моего взросления – протесты и наказания – я была слишком здорова, слишком любопытна и слишком хотела жить. Мама – главная хранительница семейного очага, как она считала, и главный камень преткновения во всем, никогда не отличалась терпением и мудростью. Чтобы избежать очередного наказания, я научилась терпеть и угождать ее прихотям, но так и не смогла с ними согласиться.

Сейчас они жили с сестрой в двухкомнатной малосемейке со всеми удобствами, которую маме выделили в семейном общежитии от работы, когда она искала возможность съехать от папы. Не знаю, как ей это удалось, но это решило на то время квартирный вопрос. Мама с сестрой переехали, а папа остался жить один, как я думала. О наличии Инги я тогда не знала, и разлад родителей казался следствием мамино дурного нрава и папиной замкнутости. Но не все так однозначно. Я в это время уже жила отдельно, пытаюсь создать собственную жизнь. Работала, училась, стремясь удержаться во взрослом мире, оставаясь в полной автономии. Родители выдохнули, когда мне исполнилось восемнадцать, и законодательно они перестали нести за меня ответственность. Выдохнули и полностью сняли меня с обеспечения – дальше сама. Как говорится, добро пожаловать во взрослую жизнь, но не забывай при этом, кому ты всем обязана.

Сестра, хоть и старше меня почти на пять лет, ни дня своей жизни не работала. Постоянно ноющая и требующая внимания, болеющая то гастритом, то запором, она вписывалась в картину мамино героизма. Муж инвалид и болезненная дочь – в любой компании маму начинали жалеть и хвалить за жизненное мужество. Так проявлялась мамина любовь – ей надо, чтобы рядом был кто-то, кто является подтверждением ее права драматизировать обстоятельства жизни. Если у тебя все хорошо, ты не интересен, тебя нужно либо сломать и сделать подтверждением, либо выгнать из жизни. Сестренка быстро поняла, что для мамино любви нужно быть жалкой, и не стала сопротивляться своей болезненности. Да и мама не очень соблюдала

рекомендации врачей, так что уже к подростковому периоду сестре оформили инвалидность и стали получать социальные льготы от государства, которых вполне хватало на жизнеобеспечение. С возрастом она набрала вес и отточила вздорный характер. Почувствовав власть больного манипулятора, сестра всю свою сознательную жизнь давила на жалость родным и близким и требовала не только внимания, но и денег. Так что можно сказать, что ее содержали и государство, и вся семья. И сестра, и мама звонили каждый день по нескольку раз и что-то требовали. Начиналось это, как правило, с раннего утра, и взять трубку, не зависимо от того, чем я была занята, вменялось в обязанность.

Сидя на диване, я смотрела на номер телефона, наспех записанный на экране. В голове, словно птицы в клетке, метались мысли. Чей это номер? Что мне нужно сделать? Зачем я зашла домой? Какая-то путаница. Что происходит? Я потрясла головой, сбрасывая наваждение. Я дома, зашла забрать документы Сашки. В понедельник на консультацию нужно сделать копии и все проверить, чтобы все справки были на месте. Один из ведущих детских хирургов, в очередь к которому мы стоим уже четыре месяца, примет нас с Сашкой через три дня, чтобы назначить предоперационную подготовку с последующей операцией. А при чем здесь телефон?

Сашка – младший сын. Родившись раньше положенного срока, он требовал постоянного внимания. За четырнадцать лет чего только не было – врачи, больницы, реабилитации. Родившись весом полтора килограмма, плод, к счастью, был сформирован здоровым, но ранним. Сын созревал гораздо медленнее своего старшего брата, хотя вес и развитие, согласно возрасту, догнал уже в течение полутора лет. Какой-то конкретный диагноз, кроме общей незрелости, врачи так и не поставили, но проблем со здоровьем в течение жизни ему хватало. Как говорится, где тонко, там и рвется: то сильные простуды с температурными судорогами, то переломы, то такая усталость, что спит сутки. Все бывало. Сейчас уже многое позади, и даже в средней школе Сашка учится вполне успешно. Высокий, симпатичный, худощавый подросток ничем не выделяется в толпе сверстников – любит играть в футбол, разбирается в компьютерных играх и легко находит друзей. Вот только буквально в течение полугода на запястье у него выросла какая-то шишка, сковывающая движение и пугающая неопределенностью. Обратились к врачу почти сразу. Участковый хирург посмотрел, отправил к знакомому профессору за консультацией. Маститый пожилой профессор сказал, что нужна операция, опухоль врас-

тает в запястье, не каждый возьмется, так как можно повредить сухожилия, и рука перестанет работать. Что он уже не оперирует и рекомендовал поискать детского хирурга, который на этом специализируется, озвучив пару-тройку имен. Необходимость в операции подтвердилась, оперировать согласились только двое. Оба сказали, что гарантий сохранения подвижности запястья не дадут, и сказать что-то дальше смогут только после того, как опухоль отправят на гистологию. Слово «гистология» я решила пока спрятать на задворки сознания, призвав на помощь привычку решать проблемы по мере поступления. Ближе по срокам и возможностям оказался врач из детской больницы соседнего района. С ним и стали вести дальнейшее наблюдение непонятной шишки, договорившись, при ухудшении состояния немедленно перейти к действиям. Но Сашка чувствовал себя хорошо, рука не болела, только манжеты школьной рубашки не застегивались, пришлось купить кардиган с длинными рукавами.

Всю весну я с опаской посматривала на вздувшееся запястье сына, и вот сейчас пришло время готовиться к операции. Через три дня в больницу.

Три дня. Это срок от смерти до похорон. Три дня отводится родственникам, чтобы уладить все формальности и организовать погребение. Почему я думаю о похоронах? Это же всего лишь операция?

Похороны – это другая история.

– Там твой папа умер! Займись! – снова возник в ушах мамин голос.

Папа умер. Мысли притихли. В голове прояснилось. Документы Сашки я соберу, но сейчас надо заняться похоронами. Телефон Инги все еще горел на экране. Надо звонить.

Я встала с дивана, прошлась по комнате, остановилась возле шкафа. Из больших зеркальных дверей на меня смотрела растерянная худая женщина в зеленой водолазке и джинсах. На бледном лице обычно незаметные веснушки проступали темными точками, как будто на лицо брызнули ржавой водой. Уголки легких губ поникли, глаза застыли, лицо стало посторонним. Это миловидное лицо обычно излучало уверенность и дружелюбие, внимательные серо-зеленые глаза научились прятать напряжение глубоко на доньшке. Это создавало многомерность во взгляде. Сейчас глаза были плоские, как лакированные пуговицы. Взгляд развернулся вовнутрь и погас. Кто эта женщина с растрепанными светлыми волосами?

«Да. Сейчас бы меня милой никто не назвал» – усмехнувшись чужому отражению, я нажала кнопку вызова.

– Алло, – сказала трубка после нескольких гудков немного сдавленным женским голосом.

– Инга, это Вера, дочь...

– Я поняла! – Прервала меня Инга и замолчала.

– Вы мне расскажете, что случилось? В какой больнице папа? Где он?

Инга назвала номер больницы.

– Ему внезапно стало плохо. Его увезли на скорой. Только вам в морг звонить надо. Его не довели. Я не поехала с ним. Я не смогла, – закончила она.

– Ясно. Мне нужно попасть в папину квартиру. Вы дадите мне ключи?

– Да! – Ее голос начал всхлипывать и прерываться. – Я все отдам! Я только хотела забрать свои вещи! Будет хорошо, если мы вместе придем в квартиру, чтобы все видели, что я не взяла ничего чужого.

Мы договорились встретиться через сорок минут. Я нажала отбой, поторопилась собрать то, за чем пришла, оделась и вышла за дверь.

Инга. Квартира. Прыжок в никуда

В лифт я и Инга действительно зашли вместе. Папа жил на последнем этаже десятиэтажки, в квартире, где прошло мое детство. Последние лет семь, после того как съехали мама и сестра, Инга жила с ним. Это были странные отношения. Начавшиеся с типового служебного романа ученого и ассистентки, переросли в крестовый поход и жертвоприношение во имя любви. Еще один божественный алтарь. На старте, когда Инга, жившая со своей мамой, рассчитывала создать свою семью, красивый, пусть и хромающий, умный состоявшийся мужчина был для нее прекрасным кандидатом, несмотря на жену и двоих детей. Знала ли женщина, подходящая тогда к порогу сорокалетия о папиных проблемах со здоровьем? Думаю, она просто была им очарована – папа умел нравиться людям. Черноволосый, кудрявый, стройный, с аристократическим лицом, вычерченным так четко и изыскано, словно его ваял выдающийся скульптор. Огромные голубые глаза манили в глубокое запределье. Улыбка и смех мгновенно обезоруживали. Вкус в одежде диктовал классическую безупречность образа. «Ален Делон» говорили про таких красивых и видных мужчин во времена, когда этот актер был на пике своей популярности. Да, папа был «Делон», и даже ярче. Но его сдержанность и внутренняя драма все же держала людей на расстоянии. Инге удалось привлечь к себе внимание папы. Думаю, к тому времени он уже устал от маминой эксцентричности и взбалмошности, тихая послушная во всем Инга стала отдушиной, а потом и спасением от одиночества.

Неспешно и настойчиво Инга вытесняла из папиного пространства лишних для нее людей. В отличии от импульсивной, сиюминутной супруги, она отличалась терпеливостью стратега, способного пожертвовать сражением, чтобы выиграть войну. И, поняв, что папа не собирается ни разводиться, ни дарить ей детей, ему это было уже не по силам, она аккуратно и бережно сделала так, что мама, психанув, ушла от папы. Место освободилось. К тому времени ей уже были известны и состояние здоровья папы, и варианты совместных перспектив. Что-то менять было уже поздно, и Инга осталась рядом с прекрасным выбранным ею мужчиной-инвалидом, провозгласив себя святой Терезой, несущей свой тяжелый крест. Все это я, конечно, узнала будучи взрослой. В период, когда у моих родителей разворачивалась эта история, я была подростком, потом девушкой, стремящейся построить свою взрослую жизнь. И я не знала, что происходит. Отец молчал, а мать скандалила не больше, чем обычно, разве что чаще стала ездить в командировки. Как оказалось позже, она стремилась сохранить лицо, а не брак, поэтому сор из избы не выносила.

Инга металась по квартире, заламывая руки. Я стояла в круглой прихожей, из которой выходили двери в комнаты и арка в зал. Двери были открыты, и мне не нужно было заходить в комнату, чтобы видеть Ингу.

– Как же так! Как же так? – Повторяла она снова и снова, хаотично бросая разные вещи в большую сумку, которую принесла с собой. Сумка тоже стояла в коридоре. Я видела, что вместе со своими вещами она забрасывала в нее какие-то папины рукописи и документы. Я доставала их и раскладывала в прихожей на тумбочке.

– Почему вы не позвонили мне, когда папа заболел, Инга? Почему не обратились к врачу?

– Он не разрешал! Он не разрешал мне звонить!

– Что значит «не разрешал», если вы видели, что ему плохо?

– Он был упрям, – слова становились то бормотанием, то возгласами, – Вы же знаете, что, если он запретил, нарушать его запрет я не могу!

– Нет, не знаю. Нужно было позвонить мне, я бы его уговорила.

Инга продолжала метаться по квартире, периодически выкрикивала, переходя то на «ты», то на «вы»: «Ты не понимаешь! Вы не понимаете! Вы никто не понимаете!»

Да, стоя в этой прихожей, я не понимала. Папа был гордым и не мог признаться в своей слабости. Когда я ему изредка звонила, он всегда говорил ровным устойчивым голосом, что у него все в порядке, что в гости мне к нему идти не обязательно, о нем есть кому позаботиться. Но Инга в свое время гарантировала, что при случае обязательно позвонит и сообщит, если что. Я продолжила.

– Когда папе стало совсем плохо, почему не позвонили тогда? Я видела его каких-то полгода назад. Сейчас, получается, что я с ним даже не попрощалась. Вы не хотели звонить?

Инга остановилась и с вызовом посмотрела мне в глаза. Она была ниже ростом, стройная, моложавая. Когда-то я слышала в адрес моей мамы небрежно брошенную фразу про возраст – маленькая собачка до старости щенки. В этом они, пожалуй, были похожи. Только в этом? Я смотрела на Ингу. Волосы прямые, длинные цвета натурального каштана. «Цвет как у меня в юности», – внезапно подумалось мне, сейчас я носила прически цвета карамели. Серые отросшие корни предательски выдавали возраст женщины и сообщали, что она минимум пару месяцев не была в парикмахерской. Лицо Инги всегда было размытым, не запоминающимся. Даже распухшие от слез глаза не особо меняли внешность. Рядом с моей мамой, яркой кареглазой блондинкой, Инга безусловно проигрывала красотой. Но, как говорится, в тихом омуте...

– Я всегда хотела, чтобы он общался с вами, – сказала она с нажимом, – с вашей мамой и сестрой не хотела, а с вами хотела!

Я усмехнулась. Глаза Инги блеснули то ли от слез, то ли от злости. Она сжала кулаки, резко выдохнула и снова начала рыться в вещах.

С женщиной, столько лет бывшей в отношениях с папой, мы были едва знакомы. Папа не озадачивался тем, чтобы официально представить мне Ингу. Изредка я ее видела, когда приходила к папе, и она открывала дверь. Но после этого сразу либо уходила совсем, либо исчезала на кухню и отсиживалась там. Чаю не предлагала. «Это его баба», – фыркнула мама, когда я спросила, кто она. Это было странно для меня, но я не настаивала на общении. И вот теперь – она хотела. Для чего этот пафос?

– Он разрешил мне вызвать скорую только перед смертью, – продолжила Инга, – я вызвала, но было уже поздно.

Она присела на стул в папином кабинете и заплакала. Я вздохнула.

– Вы понимаете, что, если все так, как вы говорите, то это преступное бездействие с вашей стороны.

– Вы меня в чем-то обвиняете? – Размытое лицо утратило цвет, губы сошлись в тугую нить.

– Я называю вещи своими именами. Вы закончили? – Мне хотелось осмотреть квартиру, и присутствие Инги стало меня раздражать.

Закрыв за Ингой дверь, я посмотрела на ключи от квартиры, лежавшие на тумбочке возле зеркала в прихожей. Она бросила их рядом с папиными вещами, которые я не посчитала нужным ей отдать. Должна быть еще папина связка – вряд ли они пользовались одними ключами – где она может быть? Ладно, разберусь потом. Я постояла в прихожей. Раньше над тумбочкой висела полка со стационарным телефоном на шнуре и с большим диском для набора номера. По телефону я болтала с подружками, сидя вот на этой самой тумбочке, разглядывала себя в зеркале, корчила смешные рожицы, радуясь, что меня не видно на другом конце провода, и смеялась. Сейчас полки не было, на стене висел фиксатор-зарядник для современной трубки. Поискав глазами трубку, я ее не нашла, значит она где-то в квартире.

Ближайшая дверь была в комнату сестры. Я заглянула, там ничего не изменилось: кровать, небольшой письменный стол у окна, этажерка с книгами и платяной шкаф. На мебели лежал толстый слой пыли, когда-то белый подоконник был серым, а окно давно не знало чистоты. Двери и плинтуса тоже потеряли свой блеск. Это было непривычно, мама всегда требовала от нас ежедневной уборки. Похоже, сюда не заглядывали. Я не стала входить и закрыла дверь, снаружи оказавшуюся чистой. Следующей была моя, ну или условно моя комната. Прямо напротив входа в квартиру через прихожую гостеприимно распахивалась арка в зал. Половина зала была видна каждому входящему, и мне было очень сложно привыкнуть к тому, что именно напротив входа поставили кровать. Помню, просила передвинуть ее к окну, чтобы не все видели, как я сплю. Но мама решила, что так удобно, кровать у окна мешает раскладывать стол, когда приходят гости. Протестовать было бессмысленно. Да и контролировать мой подъем и отход ко сну ей было так проще. Я научилась позже ложиться и раньше вставать, чтобы меня не могли застать спящей, а будучи подростком, развила в себе способность просыпаться до того, как мама появится в коридоре, ориентируясь только на звук ее шагов. Когда мама переехала в зал, ей очень нравилось, лежа в кровати, наблюдать за перемещением домашних по коридору. А когда кто-то приходил, она могла, не вставая, кричать: «Проходи, проходи, все нормально! Вот так мы и живем!»

В зале тоже было пыльно. Стенка, трельяж, стол, диван, посуда в стенке, тюль на окне, узор на диване, ковер – все было серым, поблекшим, безжизненным. Я заглянула в стенное отделение, где хранились мои школьные тетрадки и блокноты, которым я доверяла свои секреты, когда не с кем было поговорить. Они лежали аккуратной пыльной стопочкой. Глядя на все это, я почувствовала себя археологом на раскопках – это все интересно, но уже не имеет ко мне отношения. Той девочки, которой были ценны эти строчки на клетчатых листках, больше нет. Есть взрослая женщина, которая больше не тратит время на переживания. Женщина, которая привыкла сначала решать проблемы, а потом разбираться с тем, что она чувствует. Ладно, потом разберу и поностальгирую, решила я, закрывая шкаф. Обгоняя события, скажу, что этого «потом» у меня не случилось.

У входа были брошены коробки от бытовой техники, рядом стояли современный пылесос и электрическая швабра. Папа, покупая вещи, всегда собирал документы на гарантийное обслуживание и просил не выбрасывать коробки на время гарантии. Вот их и не выбрасывали, их закидывали в открытую комнату, сделав из нее кладовку, и забывали про них. Только сейчас

я заметила, что по обе стороны арки висят полотна штор, зафиксированные боковыми держателями. Освободив шторы, я закрыла вход в зал.

В папином кабинете и комнате, служившей спальней, было чисто. Новые пластиковые стеклопакеты и балконные двери красовались на фоне ремонта, который делали, когда я училась в школе. В этих комнатах обычно много солнца. Огромные книжные шкафы и массивный письменный стол почти полностью закрывали стены, и выгоревшие обои в кабинете были не так заметны. Над столом вперемешку с папиными научными сертификатами висели разные фотографии тех, кого он считал своей семьей: его сестра, внуки, его родители. Петька и Сашка на фото были совсем маленькими в смешных новогодних костюмчиках возле елки. Я сама принесла ему это фото. Лично парни познакомились с дедом уже будучи школьниками. Я представила их друг другу, но друзьями дед с внуками не стали. Дед молчал, и внуки не знали о чем с ним разговаривать. А фотографию он повесил. Я тоже мало знаю своего папу. Знала. Ну что ж. Я знала, что он любил технику, стремился быть современным, его ценили в профессиональном мире и цитировали в учебниках для студентов вузов. На письменном столе стоял большой плоский телевизор, моноблок предпоследней модели, оснащенный почти профессиональными микрофоном и наушниками. Папа общался с людьми по всему миру, сотрудничал с различными университетами. Его регулярно приглашали выступить на конференциях очно в Европе, в Австралии, в Японии, предлагая обеспечить переезд и проживание. И каждый раз он отказывался, мотивируя чрезмерной занятостью. «Папа, зачем ты отказываешься? Если ты боишься ехать один, я могу поехать с тобой и помочь тебе. В чем проблема?» – спрашивала я его. Он долго отшучивался, но в однажды, тяжело вздохнув и выдержав паузу, ответил:

– В онлайн я живой, интересный, все еще подвижный человек. Они не знают, что приглашают к себе калеку.

– Папа, ты что, разве это может быть помехой? Напиши им, что тебе потребуется сопровождение, как человеку с ограниченными возможностями, и они тебе все обеспечат!

– Нет. Я не хочу показывать людям свою немощь.

– Но как же...

– Я все сказал. Не трогай меня. Инга обо мне позаботится.

Раздавленный собственным запретом, папа смотрел на меня из-под опущенных бровей тяжелым измученным взглядом. Мой оптимизм рассыпался, ударившись об это камен-

ное решение, больше с такими вопросами я к нему не лезла. Просто дала Инге свой телефон и попросила обязательно позвонить, если понадобится помощь. Не понадобилась. Инга справилась без меня. Вызвала скорую и сообщила, что хоронить его не будет. Больше она никому ничего не должна.

Я села в папино кресло. Массажные ролики впились в бедра и поясницу. Казалось, что они еще теплые от папиного тела, ведь увезли его всего несколько часов назад. Или это просто тепло в квартире? Окинув взглядом стол, увидела возле клавиатуры две трубки телефона, стационарная и мобильная, все здесь, где же им еще быть. Стационарную повешу на место, а мобильник надо будет забрать с собой. Я ткнула пальцем экран: «Введите пароль или войдите по отпечатку». Просто так номера телефонов его друзей не достать. Ладно, надо будет поискать специалистов, которые смогут решить вопрос. Или как-то иначе найти способ оповестить желающих прийти на прощание. В пустой квартире раздалась звонкая трель, я вздрогнула. Это звонил мой телефон. Достав его из кармана, я приложила трубку к уху: «Алло». «Мама! Мы уже дома! Ты где?» – раздался возбужденный Петькин голос. Петя, мой старший сын, сейчас заканчивал школу, сдавал выпускные экзамены и готовился в институт. Статный плечистый, похожий на деда. Глаза только мои – зеленые. Временами очень взрослый, серьезный, но способный смеяться в голос и веселиться от души. Такой славный возраст, когда из нескладного юноши начинает прорисовываться мужчина. Еще штрихами, но уже уверенно. Петя знал, что хотел от жизни. Он хотел создавать мосты, соединять берега, строить величественные и одновременно воздушные сооружения, способные обуздать стихию. Он готовился в строительный, а конкурс туда был всегда большой, так что расслабиться во время перехода из детства в юность позволял себе сейчас всего один день в неделю, при встрече с отцом. Сегодня суббота, время мужской семейной прогулки. Целой семьи у нас не было уже года четыре. В какой-то момент нашей с мужем семейной жизни брак развалился. Занимаясь работой, детьми, собственными делами, всем, чем угодно, кроме друг друга, мы пропустили этот момент. Вдруг оказалось, что мы, конечно, родственники, но не пара. Я посчитала честным развестись, муж не стал долго сопротивляться. Наверное, этот брак можно было спасти, но такая мысль на тот момент не пришла в голову. Да и никто не подсказал. Может оно и к лучшему. Теперь это был горячо любимый детьми воскресный папа и мужчина, занявший свое место в моем прошлом.

– Маам? Ты чего молчишь?

– Петя, дедушка сегодня умер. Я у него в квартире сейчас. Хочу взять документы. Это не долго. Скоро приеду. Найдете, что поесть?

– Ма, мы сытые. Как умер?

– Я пока не знаю подробностей. Мне позвонили. Давай, я приеду, и мы обсудим. Хорошо?

– Хорошо! Мы ждем тебя, мама!

Я нажала отбой и откинулась на спинку кресла. Если сидеть откинувшись, сквозь большое окно в глаза врывается бесконечное небо, свободное и легкое. Сегодня пронзительно голубое, как папины глаза.

Небо всегда завораживало людей, манило своей недостижимостью. Сколько не поднимайся в небо, его не объять. Ты летишь, удаляясь от всего земного все выше и выше. То, что казалось важным большим тяжелым на земле, становится мелким и не существенным с высоты. Расправляются крылья. То, что казалось непрочным, поддерживает тебя, потоки воздуха с энтузиазмом пронесаются насквозь, выдувая ненужный мусор и пыль. Взлетая все выше, становишься легким и прозрачным, свободным и бесконечным, недоступным для мелочей и откровенно живым. Раскрываешься, обнажаешься навстречу ветру, а когда кураж проходит, обнаруживаешь себя среди пронзительной пустоты. Тогда в тебя вгрызается одиночество. Многие предпочитают остаться на земле, чтобы не сталкиваться с этим безжалостным сосущим демоном. Но мало кто знает, что одиночество не живет ни на земле, ни на небе, нигде

снаружи – оно живет внутри каждого из нас. Такое испытание на силу духа и щедрость души. Именно одиночество демонстрирует, насколько ты далек от себя, насколько с собой в ссоре. Ни с кем-то, ни с другими, ни с целым миром – с собой. И, если ты не смог с собой подружиться, одиночество уронит тебя с любой высоты. Папа, съедаемый своими демонами, не смирившийся с немощью, отгородившийся от людей, несмотря на широкий круг ежедневного общения, был невероятно одиноким наедине с собой. В попытке сбежать от одиночества хватался за работу, статус, Ингу и кресло с массажными роликами.

Я выдернула себя из синего неба и открыла ящик стола. Папки, блокноты, огрызки карандашей, дискеты, для которых уже и носителя не найдешь. Специально хранил, или забыл выбросить? На дне ящика нашлись цветные слады в рамочке для кинопроектора. Вынув на свет, я посмотрела сквозь них на окно. На слайдах были изображены люди на отдыхе. Женщины, мужчины смеются и машут руками, дети в колясках, дети на песке, мостики, высокая трава и узкая лента реки. Мама, папа, папина сестра, папин друг с женой, среди детей были я и моя сестра. Слайды без проектора рассмотреть сложно, все очень мелко, но я уже видела эти диапозитивы раньше – это тот самый летний солнечный день, закончившийся безвозвратной трагедией.

Удобно разместившись на прибрежной травке, двое молодых мужчин устраивали место для шашлыка. Нужно было обкопать костер и воткнуть в землю палки, на которые лягут острые шампury. Один мужчина был стройным и жилистым, танцующими движениями и взмахами рук напоминал канатоходца. Небольшие залысины на лбу намекали, что скоро он лишится значительной части своей плотной короткой шевелюры, но это произойдет не сразу. Второй, плечистый и статный, с фигурой атлета, постоянно отбрасывал со лба непослушную челку, которая стремилась поучаствовать во всем, что он делал. Парни работали слаженно, и костер уже был готов разгореться.

Рядом с мужчинами на небольшой песчаной излучине возле воды, создавая песочные нырища, возились четыре девчонки в возрасте от полутора до семи лет. Сосредоточенные на своих занятиях дети не отвлекали взрослых. Река была мелкой, так что, если кто и забегал в воду, то не погружался больше, чем по пояс. По руслу текло несколько глубже, но русло здесь почти не просматривалось. Над водой, на узких деревянных мостках стояли три женщины, вели неспешную беседу и наблюдали за детьми.

Мужчина с залысинами, папин друг, приехал на отдых со своей женой, которая по сравнению с папиной сестрой и мамой была куда более молчаливой и не особо участвовала в их щебетании, она фотографировала. Неслышно двигаясь между людьми, внезапно увидев нужный кадр, щелкала затвором фотоаппарата, и по этому звуку можно было узнать о ее перемещении.

В какой-то момент мамин голос приподнялся над рекой:

– Ради меня он прыгнет куда угодно! И в огонь, и в воду!

– Ну что ты, зачем куда угодно, – засмеялся голос папиной сестры, – сюда, например, прыгать не надо. Здесь мелко.

– Сказала, прыгнет, значит прыгнет! Мууууж!

– Девочки, вы чего? Может, не надо? – Робко ввязался голос третьей женщины. Она уже спустилась к реке и выбирала ракурсы снизу.

Сидя на корточках, папа поднял голову, автоматически отбрасывая челку со лба:

– Да, красуля моя?

Руками, испачканными в земле и саже, он почесал под носом, где, согласно моде, отращивал усы. Усы сразу стали большие, как у мушкетера, только кривоватые.

– Ты же любишь меня? – Требовательно прозвучал мамин вопрос.

– Конечно! – Папа широко засмеялся, встал и посмотрел на нее из-под сложенной козырьком ладони. На этом слайде он похож на капитана дальнего плавания, глядящего в даль с командного мостика своего корабля.

– Тогда покажи, как ты можешь нырнуть ласточкой вот отсюда! – Мама топнула ногой.
– Легко!

Никто ничего не успел сообразить, как красавчик с непослушной челкой и широченной улыбкой под земляными усами запрыгнул на мостки. Фотозатвор выстрелил за мгновение до всплеска воды.

Цветной прозрачный квадратик с изображением, где папа застыл в полете между мостком и водной гладью, лежал у меня в руках. Я всегда вздрагивала при звуках камеры, и на фото мой взгляд получался напряженным. Глядя на последний в жизни прыжок своего отца, я вспомнила, почему этот тихий щелчок выводит меня из равновесия. Что это было, папа, самолюбование, безрассудство, самоуверенность или все же глупость? И спросить то не у кого. Да и какая теперь разница. Все! Хватит! Сказала я себе и положила слайды обратно в стол. Прошлое в прошлом, настоящее требует внимания. Я уже не хотела здесь находиться, мне еще звонить в больницу и разбираться там. Не время для ретроспектив. В папке, лежащей сверху, я нашла документы на квартиру, лицевые счета, пенсионное удостоверение и еще какие-то бумаги, взяла эту папку целиком. Дома разберусь. Закрыв ящик стола, прихватив телефонные трубки, встала. Взгляд упал на нижнюю полку книжного шкафа у балконной двери. Там за стеклом, спрятанная от чужих глаз, стояла черно-белая фотография, с которой смотрела испуганными глазами девочка лет шести в смешном костюме темного ушастого зверька. Моя фотография.

Я поспешила к выходу, позвонила по стационарному телефону в больницу, узнала нужную информацию и повесила трубку на базу. У двери нашла папину сумку с паспортом и второй связкой ключей, приготовила взять с собой. Зашла в ванную комнату, набрала полотенце, укрыла в квартире зеркала. После чего захватила все приготовленное и покинула дом.

Морг. Каталоги. Место на кладбище

Большая территория больничного комплекса напоминала санаторий. Двухэтажные белые здания разных отделений кучно устроились за невысоким металлическим забором, окрашенным то ли в выгоревший черный, то ли в темно-серый цвет. Между зданиями вмещались парковые зоны для прогулок. Липы уже начали отращивать нежно-зеленые прически, травка выглядывала из земли, и в целом больничный двор представлял собой пасторальную картину. Птицы, щебечущие в кустах, дополняли образ музыкальным сопровождением. Мне нужно было пройти в самый дальний от входного шлагбаума угол, явно обособленный от основной территории. Асфальтовый пятачок, предназначенный для машин скорой помощи и катафалков, с одной стороны ограждали кусты, с другой – одноэтажное белесое строение с темными прямоугольниками дверей и решетками окон. Найдя дверь с надписью «Морг», я зашла внутрь.

В здании морга в приемной для посетителей, напротив окна с решеткой, стоял деревянный письменный стол, на котором под присмотром настольной лампы лежала тонкая стопка листов на внушительном журнале для учетных записей. За столом сидел белый медицинский халат и шапочка, которые при ближайшем рассмотрении оказались работницей морга. Ее лицо и кисти рук не попадали в круг света от лампы и смешивались с зеленоватыми стенами. Казалось, даже взгляд, который она вопроительно подняла на меня, был разбавленно-зеленым.

– Слушаю вас? – Голос прозвучал на удивление четко. Отразившись от голых стен, вывел меня из оцепенения.

– Мне сказали, что справку о смерти нужно здесь взять, – себя я еле расслышала, но женщина кивнула в ответ. Я назвала фамилию и дату смерти, и она начала переключать освещенные листы, пока не вытянула необходимый.

– Распишитесь! – Окруженная звуком ее распоряжения, я поставила подпись в журнале в нужной графе.

– Скажите, мне нужно будет забрать тело? Как это делается?

– Сейчас я позову того, кто у нас занимается погребением, – белый халат и шапочка вышли из комнаты, и на меня упала тишина.

Немного постояв, я присела на стул возле двери. Дверь выходила прямо на улицу, но каким-то странным образом отсекала все звуки. Сидя внутри, я чувствовала себя полностью отрезанной от мира живых, хотя до другого мира было далеко. В этой почти пустой маленькой комнате от стен отражался только звук тишины и голос безликой женщины. Наверное, если бы здесь висели часы, они бы тикали оглушительно. По крайней мере мне так казалось. Но часов здесь не было, как и времени. Сколько его прошло, много или мало, я не знала, когда отворилась дверь в глубину здания, и белый халат вернулась вместе с мужчиной в черном костюме.

– Вот, – снова внушительно сказали стены. Мужчина подошел ко мне неслышным шагом и очень мягко указал на уличную дверь: «Пройдемте».

Мы вышли в больничный двор.

– Нам сюда.

Не успев как следует вдохнуть, я зашла в соседнюю дверь. Там стояли стол и два стула. Если бы не узкое окно, выходящее на улицу, можно было подумать, что мы зашли в бежевый лифт.

– Присаживайтесь, – мужчина указал на стул напротив окна, и мы сели, – Вам не нужно забирать тело, мы все делаем сами, привозим усопшего в точку прощания с родственниками и организуем захоронение так, как вы хотите. Вы будете решать, как именно хоронить?

Говорящий сидел спиной к окну, но это не мешало его рассмотреть. Лицо деликатное, в глазах не было жалости, но было какое-то внимательное сочувствие. Даже если это всего лишь профессиональная мина, она была очень кстати. Говорить о похоронах и тем более принимать какие-то решения мне еще не приходилось, и я не знала, что ответить.

– А кто должен решать? – спросила я.

– Обычно решают те, кто оплачивает процесс. Вы будете оплачивать? Или кто-то из родственников?

Мы разговаривали как люди, обсуждающие что-то обыденное, ежедневное. Его голос ни от чего не отражался и направлял свое звучание только на меня. Несмотря на то что говорил мужчина не громко, слышала я его хорошо. Голос успокаивал и не давал заснуть, поглаживал и удерживал в реальности. Я подумала, что для этого человека сочувствие – всего лишь работа, навык, отшлифованный опытом.

– Сколько раз в день вам приходится разговаривать с родственниками о похоронах?

– Иногда несколько за день, иногда один или не одного.

– Вы не устаете? Не все же ведут себя спокойно?

– Нет, не все. Самые близкие, как правило, с трудом разговаривают, выйдя из морга.

Поэтому я уточняю у вас, вы ли принимаете решения. Кто вам покойный?

Я молчала, разглядывая светлый кусок неба за его спиной. Он ждал. За окном постукивали каблуками редкие прохожие, шуршали шинами и хлопали дверьми скорые и машины, привозящие тех, кому уже некуда торопиться. В комнате-лифте очень хотелось спрятаться. Закрывать глаза, обхватить себя руками и начать мерно покачиваться на стуле, не о чем не думать, и ничего не решать. Мужчина, сидящий напротив молча ждал. Примерно моего возраста, аккуратная стрижка, костюм и рубашка словно только что из магазина, ногти короткие и чистые, гладко выбритое лицо. Если он перестанет дышать и моргать, его можно принять за манекен, настолько смягченным и нивелированным было все, что он транслировал. Я бы сказала, ни единой провокации, ни сучка, ни задоринки – не к чему придраться. Он был похож на всех мужчин разом, вызывая доверие, и не похож ни на кого, избавляя от ассоциаций. Если он продолжит молчать, его невозможно запомнить. Человек-тень, человек-невидимка, размытый силуэт за плечами скорбящих. Координатор последнего пути.

– Это мой папа. Его хоронить буду я.

Человек-невидимка достал каталоги с фотографиями того, что требовалось для похорон: гробы, одежда усопшему, цветы, ленты и еще куча разных мелочей. Минут тридцать ушло

на то, чтобы выбрать по каталогам все, что нужно. Это мало чем отличалось от просмотра журналов в каком-нибудь салоне по продаже изделий для красоты или ремонта. Беседа продолжалась неспешно: «Будете ли вы брать красный или темно-бордовый? Лента может быть шириной десять или пятнадцать сантиметров. Какого цвета галстук к костюму вашего папы вы хотите выбрать? Нужны ли ботинки с подошвой или достаточно пришить ткань?»

Я указывала пальцем на нужные мне атрибуты, постепенно теряя связь с происходящим. Прозвучавший вопрос вернул меня в реальность:

– Где планируете хоронить, у вас есть место на кладбище?

Место на кладбище. У меня нет. И у папы нет. Никто не планировал умирать. Что теперь делать? Я подняла глаза на мужчину:

– Нет. Места нет. И как быть?

– Места, которые мы предлагаем находятся за городом. – Он назвал адреса пригородных деревень, до которых ехать не меньше полутора часов на машине. Я представила себе далекое незнакомое кладбище и покачала головой.

– Есть ли еще варианты?

– Если вы пока не решили с захоронением, вы можете заказать кремацию, а потом определиться с местом. Кремация будет дороже.

Да, рассматривать каталоги проще, чем думать. Сейчас мне предстояло принять решение. Я достала телефон и набрала номер:

– Але! – Мама, как обычно, в приподнятом настроении.

– Мама, у нас есть места на кладбище, где мне хоронить папу?

– Вот еще! Он нас не предупреждал, что умрет. Мы не готовились!

– Мама, я сейчас занимаюсь организацией похорон и пытаюсь выбрать место. Ты можешь мне что-нибудь подсказать?

– Что ты меня глупости спрашиваешь? Занимаешься и занимайся! – Знакомое раздражение разбавило голос. Смех на заднем фоне в трубке казался невероятно громким. – Сама думай! Не к моим же родителям его хоронить!

Из трубки послышались гудки. Я убрала телефон.

«К родителям!» – застряло в моей голове. Точно! Спасибо, мама! Все папины родственники были похоронены на кладбище недалеко от города, откуда он родом. Его родители, бабушки и дедушки, его сестра, ушедшая раньше него, – все они лежали под сенью берез недалеко от тихой деревушки возле небольшой еще действующей церкви на кладбище, где, как говорили, уже и не хоронили вовсе. Но это был нужный вариант. Ехать туда на машине почти полдня, или на поезде, или на электричке. Уже не важно. Это семейное захоронение, значит и папу нужно отвезти туда.

– Мне нужна кремация.

Координатор кивнул, посчитал итоговую сумму и протянул мне список заказанных услуг. Оплатив, я вышла на улицу.

Патологоанатом. Старушки. Неизбежность

Весенний воздух показался морозным. Солнце светило сквозь распускающуюся листву и умножало птичий щебет. Закуток больничного двора возле морга удерживал тишину, сглаживая звуки. Я вдохнула. Рядом хлопнула еще одна дверь уже без надписи, и на улицу вышел крепкий мужчина с лицом, заросшим так, словно бриться уже было поздно, и проще отрастить бороду. Он неспеша закурил. «Патологоанатом» – обернувшись прочла я на его бейдже. Он посмотрел на меня и протянул полупустую пачку с сигаретами, я мотнула головой. Не курю. Пачка скрылась в кармане не очень белого халата. Здоровяк затаился и выпустил облако. Я смотрела, как сигаретный дым рисует тени на асфальте.

– Скажите, – неожиданно для себя обратилась я к стоявшему рядом, показывая справку о смерти, – папу вы вскрывали?

Мужчина, прищурившись, сквозь дым скосил глаза на бумажку:

– Я.

– От чего он умер?

– Это скоропостижный рак. Съедает от трех месяцев да полугода. Метастазы в кишечнике и в легких. Вы не знали? Ему должно было быть очень больно.

– Папа после травмы не мог чувствовать боль, – я попыталась заглянуть в глаза говорящего, – женщина, с которой он жил, сообщила только, что папа в последнее время жаловался на горло, что трудно было говорить. И мама говорила, что он простужен. Я предлагала положить его в больницу! А они лечили его от простуды!

Голос на последних словах у меня сорвался, словно это не у папы, а у меня болело горло. Захотелось кричать. Кричать и, схватив кого-нибудь за грудки, трясти и спрашивать – как же так!

Патологоанатом смотрел сквозь меня. Он снова неспеша затаился и почесал подбородок:

– Ну да. В теле не мог, чувствовал горлом.

– Мне сказали, что он умер в машине скорой помощи. Может можно было что-то сделать?

– Его бы все равно не довезли. Метастазы сильно разъели внутренние органы. – Он говорил, одновременно пуская дым. Глядя, как плотное щетинистое лицо растворяется в сигаретном тумане, я проваливалась в забытие. Горечь дымного запаха, забиравшаяся в ноздри с порывами воздуха, возвращала меня в реальность. – А кто у вас вызвал скорую, соседи? В скорой никого не было из близких.

– Инга вызывала. Которая с ним жила. Она не захотела ехать, а мне не позвонила. – Я по-детски потеряла нос и всхлипнула.

– Вот оно что, – неспеша звучала дымная иллюзия, – не вините старушек. Наверное, они лечили его, как могли. Люди боятся терять и оттягивают неизбежное. Страшно смотреть, как умирает близкий. Но. Когда разрушено больше, чем можно спасти, остается только смириться и отпустить. Соболезную.

Мужчина закончил дымить, потер окурок о стенку урны и скрылся за безмянной дверью. Исчез. Я осталась стоять. Туман рассеивался. Цвета на больничном дворе оживали. На пустыре внутри моей головы, мерно ударяясь о череп, перекатывалось от виска к виску слово «старушки». Старушки, хоть и ласково, но это уже про смерть, это немощное, состояние степенного увядания. «Смириться и отпустить», – так сказал дымящийся призрак в несвежем халате, распознающий жизнь по ее останкам. Смотреть, как умирает близкий действительно страшно, еще страшнее видеть, как близкий не умирает, и не живет. Старость. Здесь, нет развития или роста. Это завершение процесса. Трансформация, осмысление и готовность уйти. Ни мама, ни Инга никак не подходили под это определение. Мама, давно бабушка двоих внуков, но при этом ежеминутно молодящаяся женщина неопределенных лет. Не говорите ей, что она вот-вот перевалит за семьдесят, столкнетесь с решительной отповедью на тему невоспитанности и бескультурья в напоминании женщине о возрасте. Конечно, разрушаться пока еще не зачем, но что-то же уже должно поменяться в восприятии мира. Зачатки мудрости проявятся что ли. Инга вообще девушка на выданье, перешагнувшая полвека и застрявшая во времени. Она, конечно, моложе и папы, и мамы. Наверное, у нее еще все впереди. Она умна, образована, воспитана. Но и это все не про мудрость. Папе было за семьдесят, он еще строил планы и не собирался подводить итоги. Или не успел. А что, если он ушел, потому что не смог принять старость? Никто из них даже не думал о смерти. Только я. Я стою в этом больничном дворе и думаю о смерти. Может это я старушка? Голова превратилась в гудящий колокол. И этот колокол звонил о смерти папы и о чем-то еще, чего мне пока было не понятным. О чем-то большом и недостижимом, о том, что могут знать те, кто обретет мудрость в своей трансформации. Те, кто принимает старость, как часть жизни. Мудрость души. Интересно, в каком возрасте женщина становится мудрой. А мужчина. Если стал мудрым, ты уже старик или старушка? Но если мама и Инга старушки, отчего же от них не добьешься мудрости? Что, если отодвигая старость до последнего, можно и вовсе забыть про душу. Бум, бум, глухо отозвалось внутри черепушки. Хватит, ответов я не дожусь. Пора нести эту голову домой, иначе она взорвется. Поежившись то ли от мыслей, то ли от весеннего солнца, я запахнула плащ, туго завязала пояс, поправила на плече сумку и, сунув руки в карманы, стремительно пошла на выход с больничной территории.

Беговая дорожка. Злюсь. Привет из прошлого

Тихим воскресным утром я сидела на своей кровати, укутавшись в плед. Сыновья спали, перебрав вчера и радости, и грусти. Сегодня можно было спать дольше, но мне не спалось. Внутри меня было так же тихо, как и снаружи. Спокойствия эта тишина не предвещала, а лишь затишье перед бурей. Главное не раскисать, я решительно откинула плед. Намотавшая внушительный километраж полумеханическая беговая дорожка, стоявшая в углу большой комнаты, была испытанным средством от напряжения. Бег или быстрая ходьба помогали замедлить мысли и успокоить эмоции. Вот и сейчас я энергично одела выдавшие виды спортивки. Такую форму легко подняли бы на смех в любом фитнес клубе, но короткие хэбэшные брюки и майка, утягивающая грудь, были максимально удобны для бега. Они не ощущались телом. В какой-то момент возникало чувство, что бежишь без одежды. Кроме того, я люблю бегать босиком. А это уже было запрещено правилами спортзалов, да и по городским улицам без обуви не разбежишься. Но главное – я всегда любила бегать в одиночестве. Отключившись от мира, использовала бег, как медитацию или, возможность убежать от проблем. Сейчас это то, что нужно.

Встав на дорожку, привычно ощутила шершавое и теплое прикосновение к ступням, выдохнула и нажала кнопку пуска. Дорожка пискнула и начала движение. В голове роился, прятанный мысли, безлюдный туман. Меня это устраивало. Прошагав пару минут, я ускорила темп. Движения, отработанные годами, можно было не контролировать. Тело работало на автомате, разогреваясь все больше, демонстрировало, что системы в порядке. Что-то покалывало слева под лопаткой. Но думать об этом не хотелось, хотелось целиком погрузиться в пустоту. Глядя в окно на танцующие в солнечном свете листочки, я расслаблялась, автоматически двигая ногами. Постепенно вместо листочков за окном возникали видения крупных снежинок, таких же, как в тот год, когда я впервые решила отпустить обоих сыновей на зимние каникулы с мамой в деревню. Сашке было уже почти десять, и я верила, что он достаточно окреп, чтобы весело провести неделю на свежем воздухе.

Мама всегда любила активные прогулки, катание на санках, валяние в снегу – чем не отдых для детей! Написав длинную инструкцию-список того, что можно и нельзя пацанам, я попросила на словах: «Мама, очень прошу, обрати внимание, Сашке нельзя распускать намок, он начинает задыхаться и могут случиться судороги от нехватки кислорода. Если у него появятся сопли, позвони мне, я лучше заберу его домой. Так будет безопасней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.